

© Кравцов Ю. С.

наличествуемому в объективном мире..., но еще и к чему-то в социальном мире... и к чему-то в своем собственном субъективном мире» [см.: 1]. Исходя из идеи Ю. Хабермаса в коммуникативной рациональности можно выделить: 1) субъекта, формирующего смыслы (обучающий субъект); 2) отношения, отражающие образование как систему, рассматривающую процессы природной и социальной действительности; 3) субъекта, усваивающего смыслы и сущности процессов обоих видов действительности.

Коммуникативная рациональность целенаправленно ориентирована на поиск истины через систему взаимопонимания. Эта коммуникация сегодня интерпретируется как «коммуникативный разум», она является основой взаимопонимания и предстает как процесс взаимного общения. Эта рациональность упорядочивается согласно принятым нормам, ценностям, требованиям, сложившихся в этой сфере деятельности социума.

Заключение. Исследование коммуникативной рациональности, ее ценностно-эпистемологических смыслов, потребовало раскрыть сущность коммуникации и рациональности, объяснить сущность коммуникативной рациональности, основные типы пространства последней. Коммуникативная рациональность в ее постнеклассическом типе предстала как особый социальный субъективный мир, имеющий свои смысловые ценности, конкретные эпистемологические составляющие деятельности субъекта в этом виде общения, как базовые основания исследования коммуникаций во всех сферах деятельности общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас ; пер. с нем. под ред. Д. В. Скляднева ; послесл. Б. В. Маркова. — СПб. : Наука, 2000. — 377 с.
2. Романов А. А. Массовые коммуникации / А. А. Романов, Г. А. Васильев — М. : Вузовский ученик, 2009. — 236 с.
3. Лазаревич А. А. Глобальное коммуникационное общество / А. А. Лазаревич. — Минск : Белорусская наука, 2008. — 350 с.
4. Позняков В. В. Дискурсивные контексты коммуникативной идентификации субъекта / В. В. Позняков. [В кн.: Национальная философия в современном мире]. — Минск : Право и экономика, 2010. — 143 с.
5. Микешина Л. А. Эпистемология ценностей / Л. А. Микешина. — М. : РОССПЭН, 2007. — 439 с.
6. Мареева Е. В. Философия науки / Е. В. Мареева, С. Н. Мареев, А. Д. Майданский. — М. : ИНФРА-М, 2010. — 333 с.
7. Янковская С. Ю. рациональные границы информационного социума / С. Ю. Янковская // Грядущее информационное общество / Под ред. А. А. Лазаревича и др. — Минск: Белорусская наука, 2006. — С. 284-323.
8. Сергодеева Е. А. Критика научного разума / Е. А. Сергодеева — М.-Р/Д. : MapT, 2006. — 310 с. — (Философия науки).

Стаття надійшла до редакції 14.01.2011

Кравцов Ю. С. – кафедра філософських наук, доцент кафедри філософії і права Днепродзержинського державного технічного університету.

УДК 167+81-13

КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ В ЯЗЫКЕ КАК ФАКТОР ИНФОРМАТИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Автор аналізує теоретичні підстави інформаційної парадигми. З філософської позиції розкриваються онтологічні та гносеологічні чинники появи нового історичного типу суспільства, в нашому випадку – інформаційного. Згідно інформаційної онтології, реальність тотожна інформації. В рамках такої парадигми людська особа зводиться до укладеної в ній суми інформації.

Ключові слова: Інформаційна парадигма, новий тип суспільства, об'єкт-мова.

Автор анализирует теоретические основания информационной парадигмы. С философской позиции раскрываются онтологические и гносеологические факторы появления нового

исторического типа общества, в нашем случае - информационного. Согласно информационной онтологии, реальность тождественна информации. В рамках такой парадигмы человеческая личность сводится к заключенной в ней сумме информации.

Ключевые слова: Информационная парадигма, новый тип общества, объект-речь.

An author analyses the theoretical grounds of informative paradigm. The ontological and gnoseological factors of appearance of a new historical type of society are exposed from the philosophical position, in our case – informative society. According to informative ontology, reality is identical to information. Within the framework of such paradigm the human personality is reduced to the sum of information included.

Key words: Information paradigm, a new type of society, object-speech.

Понятие информационного общества указывает на принцип, вокруг которого организована эта социальная форма – информация и знания. Информационное общество возникает там, где главным становится управление не материальными объектами, а символами, идеями, образами, интеллектом, и где большинство работающих занято производством, хранением и реализацией информации, особенно ее высшей формы – знания [9, с. 112]. В своих исследованиях Т. Стоуньер отмечает, что в современном информационном обществе роль капитала выполняет информация. Подобно капиталу, информацию можно накапливать, и в этом смысле национальные информационные ресурсы определяют экономику и богатство страны. В этой связи важнейшую часть экономики любой страны составляет информационная экономика. Экономика в постиндустриальном обществе характеризуется тем, что промышленность по показателям занятости и основной доли в национальном продукте все больше замещается сферой услуг, которая ориентируется на производство и обработку информации [10, с. 394].

Д. Белл отмечает, что роль сельского хозяйства и промышленности изменяется вследствие возрастания значения и расширения сферы информационной индустрии. Становление постиндустриального общества способствует революции в организации, функционировании, обработке знаний. Решающую роль в становлении информационного общества играет компьютер. Белл называет эту революцию «телекоммуникационной» и выделяет три наиболее важных ее аспекта: переход от индустриального к сервисному обществу, решающее значение кодифицированного теоретического знания для реализации технологических инноваций, превращение «интеллектуальной технологии» в ключевой инструмент теории принятия решений, системного анализа и т. д. Получается, характер информационного общества определяется внутренними связями внутри общества, коммуникацией, которая разворачивается посредством телекоммуникационных технологий [1, с. 334].

Таким образом, мы можем говорить о языке как явлении, существующем для аккумуляции, передачи и для создания новой информации, как о явлении, формирующем первичную информационную среду человека. При таком подходе перед исследователем языка неизбежно встает проблема определения видов языковой информации и средств, с помощью которых могут быть переданы разные виды информации, потому что даже на первый взгляд становится ясно – эта необычайно сложная, иерархически организованная коммуникативная система, состоящая из разноуровневых единиц, позволяет оперировать информационными блоками различной степени сложности. В таком случае можно предположить, что за единицами разных уровней оказываются, закреплены различные информационные функции.

Ф. де Соссюр характеризовал языковую реальность как единство противоположных сторон: знака и значения, языка и речи, социального и индивидуального. Двудеяная природа языка, в конечном счете, обусловлена его ролью посредника между деятельностью и познанием. От деятельности он заимствует в превращенном виде методы преобразования объекта: каждый специальный метод-в-действии – это частная модель отдельного объекта. Со стороны сознания язык обретает способность эксплицировать фиксированную в знаках информацию. «Операционность» и «предметность» языка взаимозависимы, «словесные знаки не просто фиксируют, «одевают» мысли, они выступают орудием осуществления самого процесса мышления. Эти функции «фиксатора» и «оператора» являются общими для знаков, как естественных языков, так и искусственных языков» [2, с. 104].

Деятельностная концепция языка, восходящая к В. Гумбольдту, как нам представляется, дает возможность представить строение функционирующего языка в виде трехчленной формулы: объект-язык – речевая деятельность – субъект-язык. Объект-язык есть часть социальной знаковой

реальности, существующая независимо от индивидуального субъекта и втягиваемая в сферу индивидуальной речевой деятельности. Субъект-язык есть непосредственно индивидуальная, личностная оболочка мысли, представляющая собой материальную речеперативную модель объект-языка.

В приведенной трехчленной формуле под объект-языком будем понимать знак или комплекс знаков, замещающий, прежде всего, объективные связи и отношения в практике и во внешнем мире. Функция объект-языка заключается в замещении знаками именно тех связей, которые в данной конкретной ситуации независимы от сознания владеющего этим языком индивида, но не обязательно независимы от общественного сознания. В последовательности этих знаков объект-языка, хранящегося в книгах, в памяти ЭВМ и т. п. материальных формах, закреплены объективно-надиндивидуальные взаимосвязи предметов. Оперирование с объект-языком позволяет без особых затрат физической энергии намечать и взвешивать альтернативные варианты поведения, оперируя информацией в чистом виде. «Впечатанная» в объект-язык информация являет собой связанную информацию, которую субъекту еще предстоит извлечь, подвергая объект-язык речевым преобразованиям. В этом смысле стихийно закрепленные за знаками объект-языка значения могут быть реальными по отношению к общественному сознанию, но потенциальными по отношению к присваивающему этот язык индивиду.

Если объект-язык – это инобытие практики, то субъект-язык есть то, о чем писал Л. С. Выготский: «мысль не выражается, а совершается в слове» [3, с. 378]. Субъект-язык – речеперативная модель объект-языка. По своей физической форме, по своему «телу» он абсолютно тождествен знакам объект-языка, однако по своему содержанию, вообще говоря, он отличается от содержания объект-языка. Если знак есть единство предметной формы и значения, то два разных значения, приписанных к одной и той же форме, по сути дела дают нам два разных знака. В этом смысле объект-язык и субъект-язык в принципе есть два разных языка, различающихся своими значениями. Субъект-язык – это индивидуальный субъективный перевод объект-языка, совершаемый актами речи. Эти знаки могут быть в чем-то тождественными и в чем-то не совпадать друг с другом по своему содержанию.

Носителем информации от объект-языка к субъект-языку служат речевые операции субъекта, в итоге которых рождается высказывание. В результате интериоризации высказывания получателем информации последняя усваивается субъектом непосредственно, т. е. как восприятие не материальной формы знака, а референта знака. Мысли не существуют сами по себе в голове, как в кладовой, но всякий раз заново возбуждаются речью. Так, речевая деятельность опосредует в человеческом языке два полюса: объект-язык и субъект-язык. В возникающей на стороне субъект-языка знаковой модели, так или иначе, «впечатаны» способы речевых действий. А. А. Леонтьев перечисляет следующие операционные компоненты этой модели: «1) правила ситуативного указания и замещения, допустимые для данного знака; 2) операции соотнесения и взаимозамены знаков; 3) операции сочетания знаков в квазиобъекты высших порядков, позволяющие переходить от знака к высказыванию» [5, с. 124].

Подразделение языка на объект-язык и субъект-язык в значительной мере снимает коварный вопрос, можно ли мыслить несуществующие объекты, где искать их референты? Несуществующий объект («круглый квадрат») – плод речевых, процедур со знаками объект-языка. Вначале этот объект-язык преобразуется индивидом в знаковый субъективный образ, а потом возвращается в состав объект-языка, где и становится референтом несуществующего объекта, «фактом» общественного сознания. Объект-язык – онтология для субъект-языка. Звено, опосредующее связь объект-языка и субъект-языка – речевое высказывание. Различают высказывание как результат речевого акта (знаковый образ) и как само речевое действие. В отличие от иных уровней языка высказывание обладает предикативностью, предписывает объекту мысли свойства, категоризует предмет высказывания. Как акт говорящего высказывание становится речевой моделью предмета высказывания, а до акта высказывания язык с его функцией репрезентации существует только в возможности.

Процесс передачи информации, возникающий при воздействии одной материальной системы на другую, предполагает обмен веществом и энергией. В таких процессах информация всегда впечатана в тело своего носителя, в вещество или поле сигнала. Создавая специальные технические устройства, позволяющие приводить звуковые и электромагнитные колебания как бы к общему знаменателю и записывать их на движущейся бумаге или фотографической основе в виде кривых линий, исследователь получает возможность отвлекаться от масс-энергетических характеристик носителей

информации и исследовать ее саму по себе, в чистом виде, т. е. в виде графика математической функции. Такого рода материальная информация принципиально эксплицируема и может исследоваться подобно обычным предметам, хотя объективно она всегда существует в связанном виде, слита со своим носителем-сигналом. Когда же информация извлекается живым организмом или человеком из ее носителя-вещи, ситуация существенно изменяется. Информация приобретает самостоятельное значение по отношению к целесообразно использующему ее живому организму, а носитель информации становится относительно безразличным для получателя информации.

Человек способен отвлекать информацию от вещества ее носителя намеренно и осознанно. Уже на самом простом уровне практического действия он, используя в качестве репрезентанта объекта схему действия с объектом, вычленяет информацию в сравнительно чистом виде.

Извлечение субъектом информации об объекте через репрезентант является особой разновидностью виртуальных процессов. Некоторые значимые для субъекта свойства объекта начинают в отраженном виде курсировать по всей цепи субъект-объектного отношения, проходя через такие базовые пункты, как а) объект-эталон, обладающий одновременно свойством непосредственной действительности и всеобщности, б) схема практического действия, всеобщность которой сплавлена с непосредственной действительностью практики, в) языковой знак, замещающий объект-эталон и категоризирующий всеобщность в чистом виде, г) схема умственного действия с категоризованной всеобщностью, д) возвращение целевого состава идеального в практическую деятельность и преобразование объекта. Внутреннее переживание субъектом этого движения при помощи мозга результируется в идеальном образе сознания, прежде всего в рациональном образе. Именно репрезентация лежит в основании общественного производства и расширенного воспроизводства. В ней ключ к пониманию природы человеческого сознания и языка, универсальности человека и его космического предназначения подчинить первую природу эксплицированным законам, тем самым превращая во вторую природу [8, с. 106-107].

Рассматривая модель в качестве метода научного познания, исследователи пытались выделить основные признаки, которые отличают ее от других подобных методов. А. А. Зиновьев, И. И. Ревзин дают следующее определение понятия модели: «Пусть X есть некоторое множество суждений, описывающих соотношение элементов некоторых сложных объектов A и B . Пусть Y есть некоторое множество суждений, получаемых путем изучения A и отличных от суждения X . Пусть Z есть некоторое множество суждений, относящихся к B и также отличных от X . Если выводится из конъюнкции X и Y по правилам логики, то A есть модель B , а B есть оригинал модели» [4, с. 81]. Данное определение относится более к математическим моделям, и оно достаточно узкое, так как исключает из рассмотрения мысленные модели - идеальные и идеализированные объекты, значение которых в гуманитарном знании существенно выше, чем в естественных науках. И. Т. Фролов определяет модель как материальное или мысленное имитирование реально существующей системы путем специального конструирования аналогов (моделей), в которых воспроизводятся принципы организации и функционирования этой системы [12, с. 220]. Данное определение сужено структурно-функциональным подходом, что не позволяет нам говорить, например, об образных моделях, которые часто используются в культурологических исследованиях. Наиболее точное и функциональное, в логике наших рассуждений, определение модели дает В. А. Штофф. Он понимает под моделью такую мысленно представляемую или материально реализованную систему, которая, отображая или воспроизводя объект исследования, способна замещать его так, что ее изучение дает нам новую информацию об этом объекте [13, с. 19]. В данном определении акцентировано внимание именно на гносеологической роли модели. Штофф акцентирует внимание на получении новой информации об изучаемом объекте в процессе моделирования, исходя из чего можно сделать вывод, что именно информативность и функциональность (т.е. возможность использования для получения информации) являются критерием качества построенной исследователем модели.

Сегодня все чаще звучит мысль о том, что человечество вступает в эпоху, когда виртуальная реальность, то есть образ окружающего мира, создаваемый СМК и прежде всего телевидением, а в последние годы и не без помощи Интернет, во многом не совпадает с действительностью. Сущностной стороной этого несовпадения выступает формирование при посредстве новейших коммуникационных технологий принципиально иного, неведомого ранее «глобального пространства — времени»: локальное, ограниченное пространство буквально становится мировым, а конкретное время приобретает относительный характер. И теперь уже, по сути, не столько важно то, когда и как именно произошло то или иное событие, сколько когда, как и в каком именно контексте оно было не только представлено, но и воспринято. Развитие средств коммуникации привело к отделению

передачи информации и символического содержания от необходимости пространственно-временной локализации и тем самым породило новый вид публичности в современном мире. Говоря о специфике моделирования виртуальных форм социальной реальности, следует рассмотреть вопрос о возможности использования моделей в гуманитарных науках. Основываясь на упоминаемом нами определении модели Штоффа, мы сталкиваемся с проблемой отображения и воспроизводства объекта социогуманитарных исследований, к которым относятся: человек в его социальной роли, общество и культура. В естественных науках в качестве основных теорий, в рамках которых обосновывается возможность использования моделей, является теория подобия. В данной теории соотношение между моделью и объектом моделирования рассматривается с точки зрения изоморфизма или гомоморфизма. При этом, исследователи считают, что понятие изоморфизма (точное соответствие) относительно, так как изоморфизм может быть полным только в отношении выделенных анализом элементов и связей между ними. В целом же понятие абсолютного изоморфизма противоречит диалектическому принципу всеобщего развития и изменения [7, с. 67]. Таким образом, при обосновании переноса результатов моделирования на объект моделирования чаще всего используется принцип гомоморфизма.

Гомоморфизм двух систем состоит в том, что одна из них становится упрощенной копией другой, таким образом, гомоморфизм обязательно предполагает, что одна система проще другой, что осуществлены некоторые упрощения, исключены некоторые детали, произведено отвлечение от частных деталей. Модели являются отражением в гносеологическом плане постольку, поскольку условием их формирования, построения и использования в процессе познания являются либо физическое подобие, либо аналогия, либо гомоморфизм. Таким образом, любая модель представляет собой гомоморфный образ объекта. Оценив условия гомоморфизма двух систем в социогуманитарной сфере, мы можем выявить возможность использования моделирования в данной области. В качестве примера рассмотрим ситуацию в социологии. Здесь для исследования общественных процессов очень часто используется именно принцип гомоморфизма. Исследование общественных процессов затруднено многими факторами. Невозможно исследовать все общество в целом, даже исследование жителей, например, одного города очень затратное, с точки зрения материальных и временных ресурсов. Кроме того, такое исследование чаще всего нецелесообразно, поскольку общественные процессы настолько быстротечны, что анализ общественного мнения с разницей в один день может дать абсолютно несопоставимые результаты. В связи с этим в социологии чаще всего используют модель общества, когда изучение социальных процессов ведется не на генеральной, а на выборочной совокупности, именно на этом принципе построены практически все известные современные методы социологических исследований. Гомоморфизм исследуемой социальной системы и ее модели, например, при проведении фокус-групп, достигается путем их упрощения и исключением большого количества влияющих на данную систему факторов. Как уже было отмечено, к этим факторам часто относятся: время, социальное окружение человека, обстановка и многое другое. Так, при фокус-группах человек находится в другом окружении, чем в момент принятия решения, и это может существенным образом повлиять на его выбор. В социологических исследованиях важным условием гомоморфизма изучаемого объекта и исследуемого объекта является репрезентативность выборки (стоит отметить, что это необходимое, но не достаточное условие). Приведенные примеры демонстрируют возможность применения моделей в социогуманитарной сфере в рамках теории подобия. Существуют и другие фундаментальные теории, в рамках которых можно обосновать существование моделей в их гносеологическом аспекте. Так, материалистическая гносеология рассматривает модель в рамках теории отражения. Здесь модель может выступать либо как форма отражения материального мира человеком, либо как его средство. С точки зрения этой теории, модели - это формы и механизмы отражения в человеческом сознании, где отражение понимается в его гносеологическом плане. Выполняя функцию отражения внешнего мира в сознании людей, модели, по мнению материалистов, отражают действительность в форме идеальных, мысленных и воображаемых моделей, т. е. в форме определенных образов психических по форме, но гносеологических по своему назначению. Так как по содержанию эти образы имеют отношение к внешнему миру, то модели отображают его. Таким образом, мысленные модели являются, по мнению материалистов, специфическими познавательными образами. Понятие гносеологического образа охватывает не только индивидуальное сознание, но и общественное, и не только сознание, но и предметную деятельность, поэтому предполагает также учет и средств реализации, воплощения и сохранения информации, которая накапливается обществом. Так, полотна художников или произведения скульпторов являются образами действительности, причем образами, которые уже запе-

чатлены в художественных произведениях, а не только существуют в сознании художника. Возникает закономерный вопрос, какой из видов сходства может характеризовать модель как образ действительности. В. С. Тютин рассматривает образ как форму модели-сигнала. Здесь понятие модели используется для познания природы психического образа [11, с. 27]. Штофф же рассматривает модели как специфические образы, сходные по своему содержанию с моделируемыми объектами. Здесь отражательная функция мысленных моделей состоит в том, что они выступают как мысленные копии, упрощенные картины соответствующих объектов [13, с. 135]. Стремление понять и объяснить неизвестное, новое явление при помощи сопоставления, сравнения с хорошо известными знакомыми фактами, явлениями, процессами и поиски сходства между теми и другими свойственны людям и в повседневной жизни, о чем, в частности, свидетельствуют метафорические выражения обыденной речи. С другой стороны, в философской литературе иногда оспаривается правомерность постановки вопроса о моделях как гносеологических образах. Возражают против такого понимания моделей, например А. А. Зиновьев, И. И. Ревзин. Они считают, что такое понимание моделей неоправданно сужает класс моделей, дает повод к смешению общих понятий гносеологии и понятий, специфических для моделирования [4, с. 82 - 90]. Действительно, проблема рассмотрения моделей как некоторых познавательных образов иногда приводит к подмене понятий, особенно если речь идет о гуманитарных исследованиях.

Образованный человек отыскивает сопротивление своего существования в субъективном опыте: ценностях, убеждениях, знаниях, способностях и тому подобное. Он овладевает изменениями, контролирует их, проектирует их на будущее через постановку цели. Инновационное образование сосредотачивается, прежде всего, на формировании творческого и в то же время критического мышления в сочетании с толерантностью. Оно сориентировано на рост человека.

Следует отметить, что глобальное информационное общество, рыночная экономика и научно технологическая революция требуют от человека новых социальных и индивидуальных качеств. [9, с. 112]. В частности, существенное умение в постмодерном обществе – это способность давать совет с изменениями. Дело в том, что в информационном обществе не недостает информации, а недостает мудрости как ее использовать. Общество заинтересовано в том, чтобы каждый гражданин был интеллектуально самостоятельным, то есть не доверял другим думать за него и делать выбор. Как справедливо отмечает М. Липман, мы должны учиться рассуждать самостоятельно. Никто не научит нас этому, разве что поместит нас в исследовательское сообщество, где достичь этой цели относительно легко. М. Липман отмечает, что критическое мышление отвечает демократическому способу образования, формирует менталитет не только поколений стран консолидированной демократии, но и демократизует менталитет граждан новых независимых государств.

Актуальность критического мышления растет в периоды социальных изменений, которые препятствуют успеваемости действий, требуя постоянного приспособления к новым политическим, экономическим ситуациям и тому подобное, эффективного решения проблем, которые невозможно заблаговременно предусмотреть. В частности, информационное общество значительно увеличило возможности выбора та сложность проблем, которые нуждаются в решении. Адаптация требует от человека правильного выбора. Среди многочисленных альтернатив индивид должен выбрать ту единственную, которая больше всего суголосит его системе ценностей.

Критическое мышление формирует взвешенное отношение к научно-техническому прогрессу. Его саморегулирующая функция как раз заключается в том, чтобы показать, что научно технологический оптимизм является плохим поводом в будущее. Дело в том, что западная цивилизация сформировала убеждение, согласно которому считается, что наука и техника могут развиваться безудержно, без ограничений и без предварительно поставленной цели. Это убеждение было оптимистичным, поскольку оно опиралось, по мнению, что при такой форме прогресса позитивные результаты, в конце концов, перевесят все возможные негативные последствия. Критическое мышление, по мнению М. Липмана, является продолжением того направления традиционного образования, которое сосредоточивает внимание на культивировании *мудрости* и ее приложении в практике, жизни [6, с. 34]. Критическое мышление – диалогическое, заинтересованное в расширении дискурса. Его метакритериями является *истина, справедливость, добро, красота*, составляющие смысл жизнедеятельности человека.

Определяя интеллектуальную самостоятельность и ответственность лица, критическое мышление предусматривает связь между творчески мыслящим лицом и сообществом, в котором она взаимодействует, поиск альтернатив и приоритетов ее самореализации. Однако в условиях беспрецедентных общественных трансформаций изучения предыдущего опыта теряет смысл.

© Кравчик А.С.

Поскольку условия для последующей деятельности уже не являются теми же, которыми они были в начале, а постоянно изменяются, то мышление должно быть критически инновационным.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на западе / [Эл.ресурс] / <http://alt-future.narod.ru/Future/bell.htm>
 2. Бенвенист Э. Общая лингвистика / пер. с англ. ; под ред., с вступительной статьей и комментарием Ю. С. Степанова. — М. : Прогресс, 1974. — 447 с.
 3. Выготский Л. С. Избранные психологические исследования / Л. С. Выготский. — М. : Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1956. — 519 с.
 4. Зиновьев А. А. Логическая модель как средство научного исследования / А. А. Зиновьев, И. И. Ревзин // Вопросы философии. — 1960. — № 1. — С. 78-81.
 5. Леонтьев А. А. Знак и деятельность / Леонтьев А. А. // Вопросы философии. — 1976. — № 10. — С. 124.
 6. Ліпман М. Критичне мислення: чим воно може бути? / М. Ліпман // Постметодика, 2005. — № 2 (60). — С. 33–41.
 7. Литвинцева Л. В. Виртуальная реальность: анализ состояния и подходы к решению / Литвинцева Л. В., Налитое С. Д. // Новости искусственного интеллекта. — 1995. — № 3. — С. 24-90.
 8. Пивоваров Д. В. Проблема носителя идеального образа: операционный аспект / Д. В. Пивоваров. — Свердловск : Изд-во Урал. Ун-та, 1986. — 130 с.
 9. Рейман Л. Д. Информационное общество и роль телекоммуникаций в его становлении / Л. Д. Рейман // Вопросы философии. — 2001. — № 3. — С. 26-29.
 10. Стоуньер Г. Информационное богатство: профиль постиндустриальной экономики / Г. Стоуньер // Новая технократическая волна на Западе. — М. : 1986. — 394 с.
 11. Тюхтин В. С. О природе образа (психическое отражение в свете идеи кибернетики) / В. С. Тюхтин. — М. : Высшая школа, 1963. — 122 с.
 12. Фролов И. Т. Гносеологические проблемы моделирования / И. Т. Фролов. — М. : Наука, 1978. — 248 с.
 13. Штофф В. А. Моделирование и философия / В. А. Штофф. — М. : Наука, 1966. — 301 с.
 14. Янковский С. Концепции общей теории информации // www.citforum.ru
- Стаття надійшла до редакції 27.12.2010

Кравчик А. С., кандидат філософських наук, Християнський гуманітарно-економічний відкритий університет.

УДК 160.1:167.7

ПАРАМЕТРИЧЕСКАЯ ОБЩАЯ ТЕОРИЯ СИСТЕМ А.И.УЁМОВА КАК МЕТОДОЛОГИЯ ФОРМАЛЬНО-ЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЛИКАЦИИ ГОЛОГРАФИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МНОЖЕСТВА

Внаслідок застосування системної методології у вигляді параметричної загальної теорії систем А.І.Уймова до канторівської теорії множин була здійснена теоретико-системна експлікація голографічної моделі множини, яка вперше була запропонована ще Г. Ляйбніцем

Ключові слова: голографічні моделі множини, язык тернарного опису, параметрична ОТС

Вследствии применения системной методологии в виде параметрической общей теории систем А.И.Уёмова была осуществлена теоретико-системная экспликация голографической модели множества, которая впервые была предложена ещё Г.Лейбницем.

Ключевые слова: экспликации голографической модели множества, язык тернарного описания, параметрической ОТС.

The system-theoretical explication of the G.Leibnic's holographic theory of multitude was fulfilled by the means of the Parametric General System Theory, proposed by Avenir I. Ujomov.

Keywords: Explication of holographic model description, language for ternary set, parametric OTS.